

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛЕСНОГО Я И ЗАЩИТА ЭГО ПРИ НАРУШЕНИИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

КАМЕНЕЦКАЯ Е.В. *, *Высшая школа психологии, Москва, Россия,*

e-mail: snuff@rambler.ru

РЕБЕКО Т.А. **, *Институт психологии РАН, ФГБУН, Москва, Россия,*

e-mail: rebekota@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь между нарушением пищевого поведения по типу переедания (НПП) и когнитивно-личностными переменными. Приводятся результаты исследования женщин с помощью методик, позволяющих оценить взаимосвязь между нарушением пищевого поведения (по типу переедание), когнитивными стилями (ПЗ/ПНЗ), отношением к своему телу и агрессивностью.

Ключевые слова: полезависимость/полнезависимость (ПЗ/ПНЗ), фиксированность/мобильность, нарушение пищевого поведения (НПП), конструктивная и дефицитарная агрессия, образ тела.

Введение

В наше время борьба с лишним весом превратилась в индустрию, направленную как на формирование интереса к собственному телу и к проблемам питания, так и на борьбу за идеальное тело и здоровое питание.

Хотя потребность в пище является одной из первичных, биологических потребностей, ежедневный рацион человека, как правило, не ограничивается лишь жизненно необходимыми калориями и питательными веществами (Малкина-Пых, 2007). Потребление пищи определяется пищевыми привычками – сформированными в процессе онтогенеза стереотипными действиями. Необходимо также отметить социальное значение еды. Питание человека с самого рождения связано с межличностным взаимодействием. Впоследствии еда становится неотъемлемой составляющей процесса общения, социализации. Кроме того, стиль питания отражает эмоциональные потребности и душевное состояние человека. Ребенок впервые испытывает избавление от телесного дискомфорта во время грудного кормления; таким образом, удовлетворение голода обретает крепкую связь с ощущением комфорта и защищенности. Для ребенка ситуация насыщения эквивалентна ситуации «меня любят»; фактически чувство защищенности, связанное с насыщением, основано на этом тождестве (оральная чувствительность) (Александр, 2002).

Под пищевым поведением понимается ценностное отношение человека к пище и к ее приему, стереотип питания в различных условиях, поведение, ориентированное на образ собственного тела, деятельность по формированию этого образа. При анализе психосоциальных аспектов ожирения выделяют следующие функции пищевого поведения: поддержание гомеостаза, релаксация, получение удовольствия, коммуникация, самоутверждение,

Для цитаты:

Каменецкая Е.В., Ребеко Т.А. Репрезентация телесного Я при нарушении пищевого поведения // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 118–128. doi:10.17759/exppsy.2015080311

* *Каменецкая Е.В.* Аспирант, Высшая школа психологии. Москва, Россия. E-mail: snuff@rambler.ru

** *Ребеко Т.А.* Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт психологии РАН, ФГБУН. Москва, Россия. E-mail: rebekota@yandex.ru

поддержание ритуала или привычки, компенсация, награда, защита и удовлетворение эстетической потребности (Креславский, 1981).

Таким образом, пищевое поведение человека направлено на удовлетворение не только биологических и физиологических, но также психологических и социальных потребностей, таких как разрядка психоэмоционального напряжения; чувственное наслаждение, выступающее как самоцель; общение, когда еда связана с пребыванием в коллективе; поддержание определенных ритуалов или привычек (религиозные, национальные, семейные традиции); компенсация неудовлетворенных потребностей (потребность в общении, родительской заботе и т. д.); награда или поощрение за счет вкусовых качеств пищи; удовлетворение эстетической потребности (Малкина-Пых, 2007).

Расстройства пищевого поведения – это комплексы симптомов, которые возникают из-за длительного воздействия поведенческих, эмоциональных, психологических, межличностных и социальных факторов (Вахмистров, Вознесенская, Посохов, 2001; Гаврилов, 1998). В научной литературе обсуждаются разные гипотезы, объясняющие НПП. Например, имеются неоспоримые данные о том, что люди с нарушением пищевого поведения часто используют еду и контроль над едой как попытку компенсировать неосознаваемые негативные чувства и эмоции, как способ восстановить контакт со своей самостью. В некотором роде, диеты, переедание и очищение могут использоваться либо как способ справиться с тяжелыми чувствами, либо как способ чувствовать контроль над собственной жизнью.

В настоящей статье мы пытаемся связать этиогенез НПП с проявлением защитной функции Эго. Проблемная зона в истории развития людей с НПП – это сепарационный конфликт, возникающий в процессе развития. Таким образом, можно допустить, что две тенденции – к интеграции и к дифференциации, отражающие суть сепарационного конфликта, получают свое продолжение во взрослой жизни. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что лица с НПП не могут регулировать удовлетворительным образом свои отношения, так что они смещают конфликты во взаимоотношениях на пищу.

П. Фонеги с соавторами (Fonagy et al., 2002) предлагает ввести разделение предотражающей и психологической самости. Если самовыражение маленького ребенка постоянно пресекается или неверно интерпретируется как агрессия, тогда его самовыражение становится сплавленным с агрессией, что приводит к патологическому удовольствию от деструктивности. Если попытка ребенка защитить свою психологическую самость терпит неудачу, то проявляется патологическое слияние структуры самости и защиты (агрессии). Таким образом, нормальная эмоция гнева превращается в ненависть к себе и в самообвинение.

Дж. Винер (Wiener, 1998) различает гнев и ярость. Гнев возникает, если фрустрированы желаемые цели (связанные с Эго). Ярость, в отличие от гнева, отщеплена от Эго и его защит. По словам автора, «ярость обходит Эго и идет прямо из Самости» (там же, стр. 49). Ярость угрожает самой сущности наших представлений о самих себе и связана с опытом аннигиляции.

Мы полагаем, что подавленная ярость (агрессия), т. е. неспособность защитить свою самость и простроить границы Эго, может являться одной из причин нарушений пищевого поведения. Пациенты с НПП не в состоянии контролировать и регулировать свои взаимоотношения с окружающими людьми, и они удерживают контроль над своими агрессивными чувствами путем переедания (Малкина-Пых, 2007).

Согласно теории Г. Аммона (Аммон, 1995), агрессия понимается как активный подход к вещам и к людям, как принцип первичной направленности человека на окружающий мир и его открытости окружающему миру. Автор выделяет три вида агрессии: конструктивную, деструктивную и дефицитарную.

Конструктивная агрессия означает способность вступать в отношения с другими людьми, сохранять и поддерживать с ними контакты продолжительное время и вопреки трудностям. При **деструктивной агрессии** потенциал активности разрегулирован. При внешнем проявлении это выражается в вербальном проявлении злобы, угрозах вплоть до насилия. **Дефицитарная агрессия** определяется через отсутствие контактов, потребностей, целей, помыслов. Она выражается в отстраненности, чувстве внутренней пустоты, приступах скуки, неспособности выразить свои чувства и потребности.

Изучение агрессивности в контексте телесных переживаний раскрывает тесную связь проявлений агрессивности и переживаний границы Эго. Агрессивность играет важную роль в формировании образа телесной границы, а переживания телесной границы, в свою очередь, детерминируют специфику агрессивных проявлений. Совокупный анализ переживаний телесной границы и проявлений агрессивности может рассматриваться в качестве основы целостной структурно-динамической оценки личности (Мельникова, 2009).

Согласно ранее проведенным нами исследованиям (Каменецкая, Ребеко, 2014), лица с НПП (по типу переедания) характеризуются несформированностью внешних границ и нарушением целостности образа собственного тела.

Чем менее дифференцированным является восприятие своего тела и чем сильнее негативное отношение к нему, тем больше связь с другими людьми осуществляется именно через индивидуально сконструированные стереотипы, искажающие восприятие себя и окружающего мира. Люди с устойчивым отношением к своему телу и ясным чувством своих собственных границ в состоянии осознавать свое физическое пространство, свою идентичность и принимать собственные чувства, а также принимать решения по поводу своих потребностей, оставаясь отзывчивыми к потребностям других людей (Лоуэн, 2015).

В то же время, если зависимость от мнения других людей чрезвычайно мала, это может говорить о некоторой фиксированности, застенчивости в отношениях с другими людьми или о возможном наличии очень сильных защит, которые заменяют зрелую адаптивность на стереотипные формы поведения.

Описанные феноменологические характеристики разных видов агрессии, как разных способов взаимоотношения с внешним миром, позволяют провести параллель с такой генеральной характеристикой человека, как когнитивный стиль. Основоположники стилевого подхода связывали когнитивный стиль с психодинамической структурой личности.

Когнитивный стиль «полезависимость/полнезависимость» (ПЗ/ПНЗ) в широком значении слова — это показатель уровня психологической дифференциации (и соответственно, характера познавательной направленности субъекта).

В области исследований контроля и защит получены данные о том, что ПЗ-люди в неопределенной или угрожающей ситуации демонстрируют более простые формы защит. Напротив, у ПНЗ-людей в подобных ситуациях начинают работать более сложные, специализированные формы защит (Савчикова, 2005).

Наиболее обширные данные были получены в результате изучения соотношения показателей ПЗ/ПНЗ с особенностями межличностных отношений.

Мы полагаем, что правомерно рассматривать когнитивно-стилевые характеристики

в связи со способностью человека дифференцировать собственные потребности, с умением отделять их от потребностей других, со сформированностью представлений о собственных границах и границах других людей. Тогда можно интерпретировать компульсивную привычку передать не как проявление заботы о себе, а как самодеструктивное действие.

В результате многочисленных исследований было получено доказательство расщепления каждого из полюсов когнитивного стиля ПЗ/ПНЗ на два субполюса и выделено четыре когнитивных стиля: мобильные ПНЗ (ПНЗм) и фиксированные ПНЗ (ПНЗф), мобильные ПЗ (ПЗм) и фиксированные ПЗ (ПЗф) (Холодная, 2004).

Если границы Эго остаются ригидными и непроницаемыми или, наоборот, диффузными и не выполняющими защитную функцию, то взаимодействие с окружающим миром приводит к хаосу, удержаться в котором помогает переедание. Потребление пищи только на время ослабляет напряжение, связанное со страхом одиночества и аннигиляции, а затем приходят вина и отчаяние.

Наша **теоретическая гипотеза** состоит в предположении о сопряженности между патогенезом НПП и недифференцированностью границ Эго, что проявляется в когнитивных и личностных особенностях совладания с базовыми тревогами.

Эмпирическая гипотеза исследования: хронически переедающие женщины не имеют дифференцированной репрезентации своего телесного Я, не могут конструктивно выражать свою агрессию и имеют неадаптивный когнитивный стиль (ПЗф).

Целью исследования является изучение ПЗ/ПНЗ, агрессии и отношения к собственному телу у женщин с проблемами НПП (по типу переедания). **Объектом исследования** являются женщины с избыточным весом, не страдающие органическими заболеваниями (не имеющие диагнозы, связанные с НПП), а также женщины с нормальной массой тела, но обеспокоенные по поводу лишних килограммов.

Предметом исследования являются взаимосвязи между личностными и когнитивными особенностями, сопряженные с проблемами переедания.

Методы и процедуры исследования

В соответствии с высказанной гипотезой о связи НПП (по типу переедания) с когнитивным стилем ПЗ/ПНЗ, выражением агрессии и отношением к своему телу, в исследовании использовались следующие методики:

1. Опросник: «Мысли и паттерны поведения» для лиц, страдающих лишним весом (Аныкина, Ребеко, 2009);
2. Методика «Включенные фигуры» (Холодная, 2004);
3. Опросник «Диагностика телесного Я» (Лыбка, 2008);
4. Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA) (Аммон, 1995).

В соответствии с целью исследования мы использовали только некоторые из шкал опросников.

В опроснике «Мысли и паттерны поведения» использовалась только шкала «Переедание» для ранжирования испытуемых с НПП.

Методика «Включенные фигуры» использовалась в соответствии со стандартами, разработанными М.А. Холодной (Холодная, 2004). Все испытуемые были разделены на 4 субгруппы: (ПНЗм), (ПНЗф), (ПЗм) и (ПЗф).

Опросник «Диагностика телесного Я» позволяет выделить два фактора, которые можно кратко охарактеризовать как «Самопринятие своего телесного Я» («Я-Сам») и «Влияние

Другого на отношение к своему телу» («Я-Другой»). В основе фактора «Я-Сам» лежит чувство симпатии к себе, принятия себя таким, какой я есть. Второй фактор – «Я-Другой» – описывает влияние Другого на отношение к своему телу.

Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA). В настоящем исследовании мы использовали данные по шкале «Агрессия»: Конструктивная агрессия (А1), Деструктивная агрессия (А2) и Дефицитарная агрессия (А3).

Выборку испытуемых составили 75 женщин (в возрасте от 26 до 52 лет, имеющие высшее образование), которые по результатам предварительного опроса высказывали недовольство по поводу собственного веса и систематически занимались его коррекцией. Исследования проводились индивидуально. Полученные данные обрабатывались с помощью программы Statistica, версия 8.0.

Результаты исследования

Переменная «Переедание» была переведена в ранговую переменную (по критерию квантилей). С помощью данной шкалы испытуемые были разделены на три группы по критерию «Переедание»: 1 – «норма» (женщины, которые испытывают минимум проблем с удержанием устраивающего их веса, 18 человек), 2 – промежуточная группа (37 человек) и 3 – «переедание» (женщины, которые максимально недовольны своим телом, – 20 человек).

Переменная «Переедание» рассматривалась в качестве независимой, зависимыми переменными выступали личностные (виды агрессии, репрезентация тела) и когнитивно-стилевые (ПЗ/ПНЗ, фиксированность/мобильность) характеристики.

При обработке данных использовались как непараметрические критерии оценки, так и параметрический дисперсионный анализ. Правомерность его применения обусловлена тем фактом, что изучаемые переменные имеют распределение, близкое к нормальному.

Была получена надежная корреляционная связь между параметрами, отвечающими за репрезентацию тела, и двумя видами агрессии (конструктивной и дефицитарной) и параметрами когнитивных стилей (ПЗ/ПНЗ и Ф/М). Так как А2 (деструктивная) имеет только связь с А3 (дефицитарной) ($r=0,312$), в последующих расчетах данный вид агрессии не рассматривался (табл.1).

Таблица 1

Значения ранговой корреляции (по Спирмену)

	Пере- едание	Я-Сам	Я-Другой	Фиксированность/ мобильность	ПЗ/ ПНЗ	А1	А3
Переедание	1,0000	-0,4949	0,3244	-0,1536	-0,1560	-0,3218	0,4525
Я-Сам	-0,4949	1,0000	-0,4918	0,37715	0,3123	0,4237	-0,4863
Я-Другой	0,3244	-0,4918	1,0000	-0,4719	-0,3539	-0,2833	0,3726
Фиксированность/ мобильность	-0,1536	0,3771	-0,4719	1,0000	0,0957	0,1377	-0,1568
ПЗ/ПНЗ	-0,1560	0,3123	-0,3539	0,0957	1,0000	0,0257	-0,0985
А1	-0,3218	0,4237	-0,2833	0,1377	0,0257	1,0000	-0,3075
А3	0,4525	-0,4863	0,3726	-0,1568	-0,0985	-0,3075	1,0000

Примечание: Я-Сам – «Самопринятие своего телесного Я»; Я-Другой – «Влияние Другого на отношение к своему телу»; фиксированность/мобильность – параметры когнитивного стиля; ПЗ/ПНЗ – полезависимость/полнезависимость; А1 – конструктивная агрессия; А3 – дефицитарная агрессия. Все значения, выделенные подчеркиванием, имеют $p < 0.05$.

Анализ корреляционных данных свидетельствует о том, что конструктивная и дефицитарная агрессия, а также репрезентация модулей телесности («Я-Сам» и «Я-Другой») имеют надежные связи с переменной «Переедание».

По критерию Краскела–Уоллеса получена надежная связь между независимой переменной «Переедание» и зависимыми переменными А1 ($\chi^2=6,995025$; $p\leq 0,0082$) и А3 ($\chi^2=16,91212$; $p\leq 0,000$). При возрастании значений переменной «Переедание» значения А1 снижаются, а значения А3 возрастают.

Переменная «Переедание» сопряжена с репрезентацией разных модулей телесности. По критерию Краскела–Уоллеса получена достоверная связь между уровнями независимой переменной «Переедание» и репрезентацией «Я-Сам» ($\chi^2=18,39808$; $df=1$; $p\leq 0,000$), а также между независимой переменной «Переедание» и репрезентацией «Я-Другой» ($\chi^2=5,982738$; $df=1$; $p\leq 0,0144$).

По непараметрическим критериям не были получены надежные зависимости между переменной «Переедание» и параметрами когнитивных стилей (ПЗ/ПНЗ, фиксированность/мобильность). Также не выявлено надежных зависимостей между видами агрессии и когнитивными стилевыми характеристиками. Однако учет результатов корреляционного анализа позволяет допустить существование сложных связей между всеми параметрами, используемыми в исследовании.

Данные однофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что у ПЗ два модуля репрезентации телесности сливаются, у ПНЗ – различаются ($F(2,70)=13,608$, $p\leq 0,000$). При этом значения модуля «Я-Сам» достоверно выше у ПНЗ ($\chi^2=4,500276$; $df=1$; $p\leq 0,0339$), а значения модуля «Я-Другой» достоверно ниже у ПНЗ по сравнению с ПЗ ($\chi^2=6,368701$; $df=1$; $p\leq 0,01$).

В отношении параметра фиксированности выявлены различия в репрезентации модулей «Я-Сам» и «Я-Другой»: у фиксированных испытуемых репрезентация «Я-Сам» принимает меньшие значения ($\chi^2=7,440049$; $df=1$; $p\leq 0,006$), а репрезентация «Я-Другой» – большие значения ($\chi^2=24,48980$; $df=1$; $p\leq 0,000$) по сравнению с группой мобильных испытуемых.

Сложный характер зависимости между ПЗ/ПНЗ и фиксированностью/мобильностью побудил нас провести расчет взаимодействия этих двух параметров в качестве независимых переменных. Зависимой переменной выступала репрезентация телесности.

По результатам MANOVA, выявлено значимое взаимодействие переменных «Переедание» x «ПНЗ/ПЗ» x «фиксированность/мобильность» с двумя видами агрессии ($F(2,70)=4,4962$, $p\leq 0,014$). У ПЗ при переходе от полюса мобильности к полюсу фиксированности А1 снижается, а у ПНЗ наблюдается противоположная тенденция ($F(2,29)=3,428$, $p\leq 0,044$). Результаты post hoc-анализа позволяют выделить детали связей разных видов агрессии с когнитивными стилевыми особенностями. Для А1 получены значимые различия по тесту LSD Фишера для следующих контрастов: ПНЗм/ПЗф ($p\leq 0,027$) и ПНЗм/ПНЗф ($p\leq 0,018$). Это означает, что ПНЗм значительно различаются по конструктивной агрессии от ПЗф и от ПНЗф. У ПНЗм конструктивная агрессия принимает максимальные значения.

Что касается динамики А3, то на полюсе мобильности различий по выраженности А3 у полезависимых и полenezависимых не выявлено. Зато получено надежное различие для А3 на полюсе фиксированности для ПЗ и ПНЗ: у полезависимых фиксированных испытуемых дефицитарная агрессия (А3) выше по сравнению с полenezависимыми фиксированными испытуемыми. Для А3 получено значимое различие по тесту LSD Фишера только для одного контраста ПНЗф/ПЗф ($p\leq 0,048$).

При расчете MANOVA были получены связи между когнитивно-стилевыми характеристиками и репрезентацией тела. При расчетах использовались данные всех испытуемых, принимавших участие в исследовании.

Получены следующие результаты: Взаимодействие двух параметров (фиксированности/мобильности и ПНЗ/ПЗ) надежно дискриминирует репрезентацию телесности ($F(2,70)=13,410$, $p \leq 0,00001$). У ПЗ фактор фиксированности/мобильности оказывает противоположное влияние на репрезентацию переменных «Я-Сам» и «Я-Другой» ($F(2,12)=52,111$, $p=0,000$). У ПЗ при переходе от полюса фиксированности к полюсу мобильности возрастает значение переменной «Я-Сам» и падает значение переменной «Я-Другой». У ПНЗ параметр фиксированности/мобильности влияет только на репрезентацию «Я-Другой», а значения параметра «Я-Сам» остаются неизменными. У ПНЗ при переходе от полюса фиксированности к полюсу мобильности возрастает только значение переменной «Я-Другой»: у фиксированных ПНЗ репрезентация Я-Другой принимает минимальные значения, а у мобильных ПНЗ – максимальные. У ПНЗм доминирует параметр «Я-Сам», у ПЗм доминирует параметр «Я-Другой» ($F(2,16)=25,987$, $p=0,00001$).

Также получены данные о связи фиксированности, мобильности с переменной «Переедание» и репрезентацией тела. Так, у фиксированных испытуемых (вне зависимости от ПНЗ и ПЗ) репрезентации тела («Я-Сам» и «Я-Другой») отчетливо различаются при низких значениях по переменной «Переедание», но сливаются при высоких значениях по переменной «Переедание» ($F(2,12)=52,111$, $p=0,000$). Максимальная недифференцированность репрезентации тела присуща ПЗ-стилю ($F(6,58)=12,037$, $p=0,000$). У мобильных испытуемых наблюдается отчасти обратная картина – у них при низких значениях по переменной «Переедание» два модуля телесности («Я-Сам» и «Я-Другой») не дифференцируются, но наблюдается дифференциация этих модулей при переедании ($F(2,33)=2,4040$, $p \leq 0,01$). Особенно явно данная тенденция выражена у ПНЗм – при высоких значениях по фактору «Переедание» у них достоверно различаются репрезентации «Я-Сам» и «Я-Другой».

Анализ и интерпретация результатов исследования

Мы выявили закономерности связей между когнитивно-стилевыми характеристиками, разными видами агрессии и репрезентацией тела в зависимости от параметра «Переедание».

Так, переменная «Переедание» отрицательно связана с «Я-Сам» и с А1, но имеет положительную связь с «Я-другой» и с А3. Получена положительная корреляция между А1 и репрезентацией «Я-Сам», а также между А3 и репрезентацией «Я-Другой». Между А1 и «Я-Другой», а также между А3 и «Я-Сам» получена отрицательная связь. Параметры, отвечающие за когнитивно-стилевые особенности, имеют корреляционную связь только с «Я-сам» и с «Я-Другой», при этом направление связи с «Я-Сам» – положительное, а с «Я-Другой» – отрицательное.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что при максимальных значениях фактора «Переедание» два вида агрессии надежно сближаются ($F(2, 35)=18,333$; $p=0.000$). Также по результатам ANOVA можно сделать вывод о том, что при высоких значениях переменной «Переедание» происходит сближение двух переменных, отвечающих за репрезентацию тела: значения «Я-Сам» снижаются, а значения «Я-Другой» возрастают.

Данные однофакторного дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что два модуля репрезентации телесности по-разному представлены у ПЗ- и ПНЗ-испытуемых: у ПЗ они сливаются, у ПНЗ – различаются. При этом у ПНЗ-испытуемых значения переменной «Я-Сам» достоверно выше, а значения переменной «Я-Другой» достоверно ниже по сравнению с ПЗ-испытуемыми. Этот вывод согласуется с теоретическим представлением о когнитивном стиле полезависимости/полenezависимости. По результатам MANOVA мы вправе заключить, что при переедании как ПНЗф, так и ПЗф перестают различать «Я-Сам» и «Я-Другой». Причем это происходит в большей мере за счет изменения репрезентации «Я-Другой». По результатам расчетов ($F(2,16)=25,987$, $p=0,00001$) можно сделать вывод о том, что у ПНЗм доминирует параметр «Я-Сам», у ПЗм – параметр «Я-Другой».

Результаты многофакторного дисперсионного анализа позволили уточнить сложные взаимосвязи между видами агрессии и когнитивно-стилевыми параметрами. Было показано, что фактором, определяющим конструктивную агрессию, является такой параметр когнитивного стиля, как фиксированность/мобильность (вне зависимости от ПЗ или ПНЗ), а существенным фактором, определяющим дефицитарную агрессию (АЗ), является такой параметр когнитивного стиля, как полезависимость/полenezависимость.

Причем существенным для реализации конструктивной агрессии является полюс «мобильности». У фиксированных испытуемых (вне зависимости от ПНЗ и ПЗ) два модуля репрезентации тела («Я-Сам» и «Я-Другой») отчетливо различаются при низких значениях по переменной «Переедание», но сливаются при высоких значениях по переменной «Переедание». У мобильных испытуемых наблюдается отчасти обратная картина – у них при низких значениях по переменной «Переедание» два модуля телесности («Я-Сам» и «Я-Другой») не дифференцируются, но наблюдается дифференциация этих модулей при переедании. Максимальная недифференцированность репрезентации тела присуща ПЗф-стилю. Противоположная закономерность получена в отношении ПЗм – при переедании происходит достоверное различие в репрезентации «Я-Сам» и «Я-Другой».

Заключение

Ранее мы высказали предположение о связи НПП с проблемами сепарации. Результаты корреляционного анализа подтверждают данное предположение, так как увеличение значений параметра «Переедание» отрицательно связано с репрезентацией себя («Я-Сам»), но положительно связано с мнением других в отношении собственного тела («Я-Другой»).

Подтверждение получает и предположение о связи агрессии с защитой Эго: при переедании конструктивная агрессия уменьшается, а дефицитарная агрессия возрастает. По результатам однофакторного дисперсионного анализа можно сделать вывод о том, что при больших значениях по переменной «Переедание» два вида агрессии надежно сближаются и, следовательно, можно говорить о том, что переедание сопряжено с недифференцированной агрессией. Подобная недифференцированность наблюдается и в отношении репрезентации собственного тела.

Этот факт позволяет рассматривать переедание как личностную защиту, при которой происходит регресс в ранее инфантильное состояние. Тогда утрачивается различие между Я и Другой, между конструктивным способом преодоления фрустраций и яростью.

Мы показали, что при высоких значениях по переменной «Переедание» происходит сближение двух видов телесной репрезентации, и прежде всего за счет усиления вклада па-

раметра «Я-Другой». Данный результат подтверждает предположение, выдвинутое в теоретической гипотезе о связи между НПП и недифференцированностью границ Эго.

Нами были получены новые факты, которые позволяют внести дополнительное уточнение в нашу эмпирическую гипотезу и предположить, что при НПП неспособность конструктивно выражать агрессию связана с разными модальностями когнитивного стиля.

Было показано, что существенным фактором, определяющим конструктивную агрессию, является такой параметр когнитивного стиля, как фиксированность/мобильность, а такой параметр когнитивного стиля, как полезависимость/полenezависимость, является определяющим для дефицитарной агрессии (АЗ).

Фактор «Переедание» по-разному проявляется в репрезентации тела: максимальная недифференцированность в репрезентации тела присуща только ПЗф-стилю, а достоверное различие в репрезентации «Я-Сам» и «Я-Другой» получено в отношении ПЗм. Однако при низких значениях по фактору «Переедание» именно у ПНЗ-испытуемых доминирует параметр «Я-Сам» («Самопринятие своего телесного Я») в репрезентации своего тела. Полученные результаты согласуются с выводом М.А.Холодной о том, что ПНЗ-фиксированные лица имеют страх инкорпорации (объединения): они борются за сохранение дистанции между собой и группой, поскольку участие в работе группы, как им кажется, угрожает их самооценке. Напротив, ПЗ-фиксированные лица имеют страх одиночества, поскольку они считают, что именно изоляция угрожает их самооценке.

Результаты проведенных исследований позволяют утверждать, что нарушение пищевого поведения необходимо сопряжено с неумением конструктивно выражать свою агрессию и дифференцировать себя от других.

Выводы

1. Переменная «Переедание» отрицательно связана с «Я-Сам» и с конструктивной агрессией, но имеет положительную связь с «Я-Другой» и с дефицитарной агрессией.
2. При высоких значениях переменной «Переедание» происходит сближение двух переменных, отвечающих за репрезентацию тела: значения переменной «Я-Сам» снижаются, а значения переменной «Я-Другой» возрастают. Максимальная недифференцированность репрезентации тела присуща испытуемым с ПЗф-стилем.
3. При максимальных значениях фактора «Переедание» два вида агрессий надежно сближаются. При возрастании значений переменной «Переедание» значения А1 снижаются, а значения АЗ возрастают.
4. Существенным фактором, определяющим конструктивную агрессию, является такой параметр когнитивного стиля как фиксированность/мобильность, а фактором, определяющим дефицитарную агрессию (АЗ), является параметр когнитивного стиля ПЗ/ПНЗ.
5. У фиксированных испытуемых дифференциация репрезентации тела различается при низких значениях по переменной «Переедание», а у мобильных испытуемых при низких значениях по переменной «Переедание» два модуля телесности не дифференцируются, но наблюдается дифференциация этих модулей при переедании.
6. У ПЗ при переходе от полюса фиксированности к полюсу мобильности возрастает значение переменной «Я-Сам» и падает значение переменной «Я-Другой».

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00087), Институт психологии РАН.

Литература

1. Александр Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 352 с.
2. Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М.Бехтерева, 1995. 200 с.
3. Аныкина А.В., Ребеко Т.А. Адаптация на русскоязычной выборке опросника «Мысли и паттерны поведения» М.Купер, Г.Тодда, Р.Вулрича // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №1. С. 106–118. doi: 10.1167/10.14.33
4. Вахмистров А.В., Вознесенская Т.Г., Посохов С.И. Клинико-психологический анализ нарушений пищевого поведения при ожирении // Журн. Неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2001. №12. С. 19–24.
5. Гаврилов М.А. Взаимосвязь психологических и физиологических особенностей при нормализации массы тела у женщин, имеющих избыточный вес: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 1998. 23 с.
6. Каменецкая Е.В., Ребеко Т.А. Телесный образ Я у лиц с нарушением пищевого поведения // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. 2014. № 4. С. 58–64.
7. Креславский Е.С. Психосоциальные аспекты ожирения. Л.:ЛОГМИ, 1981. 117 с.
8. Лоуэн А. Предагельство тела: пер. с англ. М.: Корвет, 2015. 240 с.
9. Лыбко И.В. Методика «Диагностика телесного Я» // Психологическая диагностика: Научно-методический и практический журнал. 2008. № 3 май–июнь. 2008. С. 5–21.
10. Малкина-Пых И.Г. Терапия пищевого поведения. Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.
11. Мельникова М.Л. Телесная граница и агрессивность: клинико-психологическое исследование. Ижевск: ERGO, 2009. 180 с.
12. Савчикова Ю.Л. Психологические особенности женщин с проблемами веса: дис. канд. ... психол. наук. СПб, 2005. 208 с.
13. Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. М.; СПб.: Питер, 2004. 304 с.
14. Fonagy P., Gergely G., Jurist E., Target M. Affect regulation, Mentalization, and the Development of the Self. N. Y.: Other Press, 2002. 236 p.
15. Wiener J. Under the volcano: varieties of anger and their transformation // Journal of analytical psychology. 1998. Vol. 43. P. 481–502.

REPRESENTATION OF PHYSICAL SELF AND PROTECTION OF EGO IN WOMEN WITH EATING DISORDERS

KAMENETSKAYA E. V. *, High School of Psychology, Moscow, Russia,
e-mail: sunff@rambler.ru

REBEKO T. A. **, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: rebekota@yandex.ru

In the article we studied the relationship between eating disorders, and cognitive and personality variables. We present the results of the study of women using techniques to assess the relationship between

For citation:

Kamenetskaya E. V., Rebeiko T. A. Representation of physical self and protection of ego in women with eating disorders. *Ekspiermental'naya Psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2015, vol. 8, no. 3, pp. 118–129 (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/exppsy.2015080311

* Kamenetskaya E. V. PhD Student, High School of Psychology. Moscow, Russia. E-mail: sunff@rambler.ru

** Rebeiko T. A. PhD (Psychology), Leading Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: rebekota@yandex.ru

eating disorders (like overeating), cognitive style (field dependence / field independence), with their bodies and aggression.

Keywords: field dependence / field independence, fixity / mobility violation of eating behavior, deficit and constructive aggression, body image.

Funding

The study was supported by the Russian Scientific Foundation (project № 14-28-00087), Institute of Psychology RAS.

References

1. Aleksander F. *Psikhosomaticheskaya meditsina. Printsipy i prakticheskoe primeneniye* [Psychosomatic medicine. Principles and practical application]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2002, 352 p. (in Russian).
2. Ammon G. *Dinamicheskaya psixhiatriya* [Dynamic psychiatry]. Saint-Petersburg: S-Peterburgskii nauchno-issledovatel'skii psikhonevrologicheskii institut imeni V.M. Bekhtereva Publ. [The S-Petersburg Research Psycho-Neurological Institute of V. M. Bekhterev], 1995. 200 p. (in Russian).
3. Anykina A.V., Rebeко T.A., Adaptatsiya na russkoyazychnoi vyborke oprosnika «Mysli i patterny povedeniya» M. Kuper, G. Todda, R. Vulricha [Adaptation of the questionnaire "Thoughts and patterns of behavior" by Cooper M., Todd G., Woolrich R. for Russian-speaking people]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2009, vol. 30, no. 1, pp. 106–118. doi:10.1167/10.14.33
4. Vakhmistrov A.V., Voznesenskaya T.G., Posokhov S.I. Kliniko-psikhologicheskii analiz narusheniya pishchevogo povedeniya pri ozhireнии [The Clinic-psychological analysis of violations of food behavior at obesity]. *Zhurn. Nevrologii i psixhiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neurology and Psychiatry in name of S. S. Korsakov], 2001, no. 12, pp. 19–24.
5. Gavrilov M.A. Vzaimosvyaz' psikhologicheskikh i fiziologicheskikh osobennostei pri normalizatsii massy tela u zhenshchin, imeyushchikh izbytochnyi ves: Avtoref. dis. kand.med. nauk [Interrelation of psychological and physiological features at normalization of body weight in the women having excess weight. Ph. D. (Med) Thesis]. Tomsk, 1998. 23 p.
6. Kamenetskaya E.V., Rebeко T.A. Telesnyi obraz Ya u lits s narusheniem pishchevogo povedeniya [Corporal image of Me in people with disorders of food behavior]. *Vestnik Kostromskogo universiteta* [Bulletin of the Nekrasov Kostroma state university], 2014, no. 4, pp. 58–64.
7. Kreslavskii E.S. *Psikhosotsial'nye aspekty ozhireniya* [Psychosocial aspects of obesity]. Leningrad: Publ. LOGMI, 1981. 117 p.
8. Louen A. *Predatel'stvo tela* [Treachery of the body]. Moscow: Publ. Korvet, 2015. 240 p. (In Russ.).
9. Lybko I.V. Metodika «Diagnostika telesnogo Ya» [Technique of "Diagnostics for bodily Self"]. In Akimova M.K., Kolesnikov V.G. (Eds.), *Psikhologicheskaya diagnostika: Nauchno-metodicheskii i prakticheskii zhurnal* [Psychological diagnostics: Scientific and methodical and practical journal], 2008, no. 3, pp. 5–21.
10. Malkina-Pykh I.G. *Terapiya pishchevogo povedeniya. Spravochnik prakticheskogo psikhologa*. [Therapy of eating behavior. Reference book of the practical psychologist]. Moscow: Publ. Eksmo, 2007. 1040 p. doi:10.1080/08870446.2012.751106
11. Mel'nikova M.L. *Telesnaya granitsa i agressivnost': kliniko-psikhologicheskoe issledovanie* [Corporal border and aggression: clinic-psychological research]. Izhevsk: Publ. ERGO, 2009. 180 p.
12. Savchikova Yu.L. *Psikhologicheskie osobennosti zhenshchin s problemami vesa: dis. kand. ps. Nauk* [Psychological features of women with weight problems: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Sankt-Peterburg. 2005. 208 p.
13. Kholodnaya M.A. *Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma. Uchebnoe posobie* [Cognitive styles: About the nature of individual mind. Manual]. Moscow; Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2004. 304 p.
14. Fonagy P., Gergely G., Jurist E., Target M. *Affect regulation, Mentalization, and the Development of the Self*. New York: Other Press. 2002. 236 p.
15. Wiener J. Under the volcano: varieties of anger and their transformation. *Journal of analytical psychology*, 1998, vol. 43, pp. 481–502.